

УДК 172.1

DOI: 10.34670/AR.2020.47.1.029

Роль нарративов в конструировании социальной реальности

Герасимов Сергей Викторович

Кандидат педагогических наук,
доцент кафедры коммуникационных технологий и связей с общественностью,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
191023, Российская Федерация, Санкт-Петербург, ул. Садовая, 21;
e-mail: votje82@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается роль нарративов в процессах формирования, и управления социальной реальностью, исследуется процесс создания и закрепления нарратива, создания нарратива на основе перформативов. Нарративы представляют собой отобранное и связанное множество, состоящее из человеческих опытов. При этом нарратив обладает большим количеством связей и взаимодействий между элементами внутри, как явными так и ассоциативными. В нарративах находится связь между сюжетами и реальностью. Эта связь - источник и результат постоянной генерации концепта реальностей, создаваемых нарративом, они формируют у человека и у человечества непротиворечивость, непрерывность и связанность концепции реальности. Особенностью человеческого восприятия реальности является необходимость в создании обновляющегося объяснительного аппарата, описывающего и толкующего значения сущностей и смыслов событий. Процессы смыслообразования не останавливаются. В событийном ряду человека и человечества постоянно происходит ряд событий, выходящий за уровень «шума» и становящийся новостями. Нарратив в этом смысле обладает способностью к обучению читателя-слушателя-зрителя. Содержащиеся в нарративе смыслы и опыты служат инструкцией для потенциального или реального действия. Таким способом, нарратив служит инструментом расширения представления о реальности далеко за пределами персонального опыта.

Для цитирования в научных исследованиях

Герасимов С.В. Роль нарративов в конструировании социальной реальности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. Том 9. № 1А. С. 34-40. DOI: 10.34670/AR.2020.47.1.029

Ключевые слова

Социальная реальность, нарратив, перформатив, события, описание реальности.

Введение. Нарратив как необходимый и достаточный инструмент генерации реальности

Поскольку у нарратива нет конкуренции в плане обучения, человек и социум получают зависимость от наличия нарративов в пространстве личной и публичной коммуникации [Тульчинский, 2016]. Таким же образом формируется необходимость следования за нарративом.

«Концепты возникают в сознании человека не только как «намёки на возможные значения», «алгебраическое их выражение», но и как отклики на предшествующий языковой опыт человека в целом – поэтический, прозаический, научный, социальный, исторический и т.д.» [Лихачев, 1999]. Подсказки, в виде различных опытов, снимают неопределенность принятия решений и ответственность за выбор таких решений. В нарративе становятся возможными варианты альтернативного развития сюжетной линии, читатель может моделировать варианты развития событий по алгоритму «если, то», может сравнивать и верифицировать аналитические модели в условиях реальности [Герасимов, 2015]. Наличие параллельных веток развития сюжета создает параллельные реальности (сплиттинг), которые становятся полигоном для мыслительной деятельности человека. Необходимость в постоянной интерполяции порождает эффект кроссреального серфинга, когда размышляющий человек должен удерживать несколько реальностей в поле зрения и проводить в них различные сравнения. Навык кроссреального серфинга становится востребован в условиях информационного общества, а также в условиях постоянной генерации социальных и маркетинговых мифов. Привыкая к поддержке социальной среды, используя подсказки различных нарративов, человек становится зависимым от ситуации определенности [Ортега-и-Гассет, 2001]. Другими словами, человек всегда предпочитает плохой сценарий развития событий, сценарию неясному, скрытому. Неопределенность и неизвестность служит источником ужасов, стресса, страхов. Парадоксальность «плохого выбора» в том, что необходимость связывания прошлого, настоящего и будущего в одну картину неизбежно приводит к одноразовости такого действия. В случае ошибки, в действительности нет возможности «переиграть» события или ситуации. Но такая возможность есть в нарративе, и особенно в нарративе учебной и игровой. Для снятия напряжения, вызываемого неопределенностью, в том числе, создают инструкции, силлабусы, аннотации, краткие содержания, путеводители, снимают трейлеры в кино.

Необходимость стыковки прошлого с будущим дает нарративу уникальную роль создания плавного, непрерывного соединения дискретных событий в единую картину мира [Инглхарт, 2018]. Происходит процесс «сшивания» событийного ряда объяснительным пространством нарратива, происходит создание и пересоздание смысловой картины мира. Сшивая разрозненные сюжеты в единую ткань, нарративы служат одним из важнейших инструментов культурогенеза (по М.Ю. Лотману). Традиционный нарратив, в отличие от игрового пространства, ограничен в возможности развития параллельных пространств и вариантов сценария. Она допускает параллельность сюжетных веток, но ограничена предполагаемыми обстоятельствами. Непрерывность (неопределенность) интерактивной действительности отлична от случившейся непрерывности нарратива законами жанра и индивидуальной интенциональностью автора [Тульчинский, 1995].

Пластичность и непрерывность нарратива

В силу непрерывности и взаимосвязанности объема нарративов у авторов появляются возможности формировать отношения у авторов к событиям и героям, описываемых в наррации, явно или тайно подталкивать читателя к нужному решению. Таким образом, нарратив представляет собой убеждающую коммуникацию – перформатив. В зависимости от формы подобное управление аудиторией может носить явные и скрытые формы. К явным можно отнести тексты с выделенными советами и рекомендациями (басни с моралью, сказки с поучениями и т.д.). Поскольку одна из важнейших функций нарратива – создание единой смысловой картины реальности или ее части, то наррация обладает свойством непрерывности. Эта непрерывность может быть разной, в зависимости от задач наррации. Например, непрерывность пространственная или временная. Кроме непрерывности у нарративов присутствует свойство повторяемости, которое доводит сюжет повествования до определенной степени совершенства, убирая несущественные детали и оставляя значимые. Непрерывность и повторяемость нарративов формирует точки внимания, основные пороговые события в наррации, контекстуальные возможности для скрытой манипуляции поведенческими паттернами человека, например, решением о покупке [Герасимов, 2015]. Другими словами, язык подразумевает некоторую договоренность или конвенциональность между автором и читателями, в отношении разных речевых актов [Макклоски, 2015]. При этом конвенциональность не отражается непосредственно в тексте, а подразумевается, как неписаное правило понимания и интерпретации.

Алгоритмы генезиса нарративов

Отдельный интерес представляют процессы создания нарративов. Генезис нарративов происходит в пространстве публичных коммуникаций. Как авторы, так и читатели находятся в совместном процессе, общем действии [Герасимов, 2017]. Отдельно ни автор, ни читатели не смогут создать нарратив. Им приходится каждый раз договариваться о новой попытке дескриптивного определения окружающего мира с помощью непротиворечивых повествований. В таком рассмотрении нарративы направлены на совершенствование коллективного восприятия действительности. Удивительная гибкость наррации в создании объяснительных сюжетов в тех случаях, когда законы действительности не позволяют сочетать и объяснять события и сущности. В таких случаях нарратив переходит в фэнтезийную, мифологическую, религиозную, трансцендентную или иную реальности. Каждый автор вносит в пространство публичных коммуникаций свои представления о реальности и действительности. Это множество идей, реагируя на сумму общих опытов конкретного социума, создают заготовку будущего нарратива, которая после процессов селекции, множественных повторов трансформируется в коллективное описание реальности. Повествование может предстать в виде сжатых поучительных историй – примеров поведения в той или иной ситуации (былин, священных писаний, сказок, поговорок и так далее). При этом нарративы могут притянуть в себя и модные обороты речи, сюжеты, героев [Герасимов, 2007]. Существует и обратный эргономический процесс – отбрасывания всего несущественного. В результате длительной селекции и выдержки формируется текст как инструмент для обучения и воспитания на примере другого. Этот текст необходим и во многом достаточен для создания индивидуальных и коллективных реальностей.

Процесс «принятия» нарратива обществом

Условия, при которых социум принимает нарративы – результат общественного одобрения и соглашения. Во многих, если не во всех, культурах присутствует технология «голосования ногами». Зритель или слушатель может прийти, послушать, похвалить рассказчика, менестреля, коробейника. А может уйти, проигнорировать, обозвать, выгнать и так далее. Голосование ногами – процесс естественного отбора нарративов социумом. Вместе с конвенциональным описанием реальности создаются маркеры среды, отличительные опорные знаки, придающие пространствам уникальность. Подобные маркеры представляют собой легко узнаваемые лапидарные сюжеты, которые могут сжиматься до символов, подобно бренду или религиозному знаку. За таким знаком у читателя раскрывается свой персональный или коллективный нарратив. Подобные процессы говорят о тенденции к экономии времени и внимания.

Создание таких смысловых сюжетов сопровождается наличием в них собственной логики и собственных десигнаторов [Тульчинский, 1986]. В каждом нарративе описываются свои события, артефакты и персонажи. Читатели в большинстве случаев добросовестно создают обратную связь, они внимательно контролируют идентификаторы. В случаях нарушения релевантности повествования, изменения поведенческих паттернов сущностей, искажения логики построенного мира, формируется реакция в виде различного «недоверия», насмешек или обвинений во лжи автора или рассказчика.

Замораживание изменений нарратива

После принятия нарратива окружением, он переходит в форму канона. Подобный канон уже становится посылкой для генерации новых нарративов, определяет поведение пространства публичных коммуникаций, формирует территорию табу. На таких примерах происходит инкультурация и социализация детей, создаются шаблоны для воспитания и образования. На этом функция нарративов не исчерпывается, они формируют чужие опыты в восприятии реальности не только у новых членов общества, но и у других субкультур, выполняют функции лингвокультурального трансфера, культурной трансмиссии. Принятые и отшлифованные многочисленной критикой и комментариями, нарративы переносят смыслы из культуры в культуру и из языка в язык, через разделительные субкультурные и культурные барьеры, такие как национальные, расовые, социальные и так далее [Тульчинский, 2016]. Процесс принятия в повседневное использование того или иного нарратива означает замораживание обсуждения о его форме и содержании. Эту стадию формы называют канонической и классической. В этот период нарратив становится эмиссаром вторичных нарративов и перформативов: инструкции, указания, заповеди, законы, мораль и так далее.

Общий алгоритм нарратогенеза

Создание первичных нарративов проходит по формуле «событие — анализ — синтез — нарратив/создание нового/коррекция старого описания» (Герасимов, 2017). При создании вторичных нарративов, в алгоритме проявляются тенденции к упрощению процедуры генерации сюжетов. В таком случае алгоритм нарратогенеза редуцируется до: «событие» - соотнесение с «готовым сюжетом-советом». «Стало холодно — надень шапку». Игнорируется рассуждение, есть пример и императив. Стандартный силлогизм выглядел бы примерно так: «Стало холодно — можно простыть — нужна защита — человек надел шапку». В этом случае

можно регистрировать создание классической энтимемы, а в более сложных силлогизмах и пихейрем. Стихийное создание энтимем и пихейрем является результатом эргономического процесса сокращения рассуждения, отжима текста до стереотипической реакции, рефлекса с последующим формированием архетипов [Тульчинский, 2006].

Массив перформативов, иллюстрированный и упакованный нарративами, служит основой для инструкций к жизни, инструментом для генерации новых смыслов в старой реальности и для генерации новых реальностей. Естественно присутствие этих алгоритмов в системах образования, технологиях создания брендов, игровых пространств и так далее. В системах прикладного оперирования алгоритмы представлены в виде: «знания — умения — навыки», поскольку эргономика заставляет использовать полученные общинные опыты на уровне приобретенных рефлексов. В этой ситуации можно наблюдать отсутствие гибкости в принятиях решений, отсутствия творчества и новых идей. Здесь наблюдается социальная дрессировка как приучение к правильной реакции на события при полном исключении критического мышления и мышления вообще. Происходит соотношение области определения (событий) с со значениями функции (множеством зафиксированных реакций). Соотношение представляет собой закон и формально выражается в массиве нарративов, содержащих в себе перформативы. Теперь допустим, что в области определения появляются новые по типу или форме события, которых не было ранее. События по определению [Герасимов, Тульчинский, Лохина, 2016] несут в себе новое, отличное от фона, взаимодействие сущностей. Вполне вероятно, что функция соответствия не сможет подобрать рекомендации для новых условий, а алгоритм принятия решений уже утерян. В таком случае логично было бы предположить новый виток анализа и синтеза, нового описания, исследования, изучения, получения нарратива.

Заключение

В XXI веке события не происходят спонтанно, их вбрасывают в поле генерации нарративов, более того, нарративы провоцируют события, создают целые событийные компании. Систему ограничивают рамки безопасности коллективного существования, врожденные рефлексы, которые сообщают обществу место опасного предела, границу, переход за которые будет иметь необратимые последствия [Герасимов, 2016].

Библиография

1. Герасимов С. В. Некоторые тренды человеческого развития. [Текст] / С. В. Герасимов // *Философские науки*. 2015 (3). – С. 133–137.
2. Герасимов С.В. Массовые праздники как фактор развития социального партнерства. Диссертация на соискание ученой степени кандидата педагогических наук. СПб.: СПбГУКИ, 2007 г. 161 с.
3. Герасимов С.В. Замыкая круг манипуляций // *Философские науки*. №5 2015. С. 34-41.
4. Герасимов С.В. Инструменты формирования символической политики // *Социально-политические науки*. 2016. № 2. С. 77-83.
5. Герасимов С.В. Событие как управленческая функция генерации социальной реальности. *Человек. Культура. Образование*. 2017. №1 (23). С. 68-83
6. Герасимов С.В., Тульчинский Г.Л., Лохина Т.Е. Менеджмент специальных событий в сфере культуры: Учебное пособие. – СПб.: Изд-во «Лань»; Изд-во «Планета музыки», 2016. - 384 с.
7. Инглхарт Р. Культурная эволюция. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. – М.: Мысль, 2018. – 347 с.
8. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Очерки по философии художественного творчества. – СПб.: Блиц, 1999. - С. 147 - 165.
9. Макклоски Д. Риторика экономической науки. – М.; СПб: Ин-т Гайдара, 2015. – 328 с.
10. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М.: АСТ, 2001. – 509 с.

11. Тульчинский Г.Л. Наррация в символической политике: Уровни и диахрония. // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. полит. науки; Ред. кол.: Малинова О.Ю., гл. ред., и др. – М., 2016. – Вып. 4: Социальное конструирование пространства., с. 65-83.
12. Тульчинский Г.Л. Проблема осмысления действительности. Л.: ЛГУ, 1986. – 175 с.
13. Тульчинский Г.Л. Развитие знания: зашнуровывающая метафора и модели // Философия и методология науки. СПб. 1995. с.72-75.
14. Тульчинский Г.Л. Соотношение исторической и культурной памяти: практики забвения. // Социально-политические науки. 2016, № 4, с.10-14.
15. Тульчинский Г.Л. Тело свободы. СПб: Алетейя, 2006, с. 196-428

The role of narratives in the construction of social reality

Sergei V. Gerasimov

PhD in Pedagogy,
Associate Professor of Communication technologies
and public relations Department,
Saint Petersburg State University of Economics,
191023, 21, Sadovaya str., Saint Petersburg, Russian Federation;
e-mail: votje82@mail.ru

Abstract

The article examines the role of narratives in the processes of formation and management of social reality, examines the process of creating and consolidating a narrative, creating a narrative based on performatives. Narratives are a selected and connected set consisting of human experiences. At the same time, the narrative has a large number of connections and interactions between elements within, both explicit and associative. In narratives, there is a connection between stories and reality. This connection is the source and result of the constant generation of the concept of realities created by the narrative, they form the consistency, continuity and connectedness of the concept of reality in man and in humanity. The peculiarity of human perception of reality is the need to create an updated explanatory apparatus that describes and interprets the meanings of entities and meanings of events. The process of meaning formation does not stop. In the event series of man and humanity, a number of events constantly occur that go beyond the level of "noise" and become news. The narrative in this sense has the ability to train the reader-listener-viewer. The meanings and experiences contained in the narrative serve as instructions for potential or actual action. In this way, the narrative serves as a tool for expanding the perception of reality far beyond the boundaries of personal experience.

For citation

Gerasimov S.V. (2020) Rol' narrativov v konstruirovanii sotsial'noi real'nosti [The role of narratives in the construction of social reality]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 9 (1A), pp. 34-40. DOI: 10.34670/AR.2020.47.1.029

Keywords

Social reality, narrative, performative, events, description of reality.

References

1. Gerasimov S.V. (2007) Mass holidays as a factor of social partnership development [Massovye prazdniki kak faktor razvitiya social'nogo partnerstva]. Dissertaciya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata pedagogicheskikh nauk. SPb.: SPbGUKI. – 161 p.
2. Gerasimov S.V. (2015) Closing the circle of manipulations [Zamykaya krug manipulyacij] Filosofskie nauki. №5., Moscow, pp. 34-41
3. Gerasimov S.V. (2015) Some trends in human development. [Nekotorye trendy chelovecheskogo razvitija] S. V. Gerasimov Philosophical sciences. (3). – pp. 133-137.
4. Gerasimov S.V. (2017) Sobytie kak upravlencheskaja funkcija generacii social'noj real'nosti [Event as a managerial function of generating social reality]. Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie. №1 (23). pp.68-83
5. Gerasimov S.V., Tulchinsky G.L., Lokhina T.E. (2016) Management of Special Events in the Field of Culture [Menedzhment special'nyh sobytij v sfere kul'tury: Uchebnoe posobie]: Textbook. – St. Petersburg: Publishing House «Doe»; Publishing House «Planet of Music»,. – 384 p.
6. Gerasimov, S. V. (2016). Tools for making up a symbolic politics [Instrumenty formirovaniya simvolicheskoy politiki]. Social'no-politicheskie nauki, 2, pp. 77-83.
7. Inghart R. (2018) Kul'turnaja jevoljucija. Kak izmenjajutsja chelovecheskie motivacii i kak jeto menjaet mir. [Cultural evolution. How human motivations change and how it changes the world] – M.: Mysl'. – 347 p.
8. Lihachev D.S. (1999) Russian language conceptual sphere [Konceptosfera russkogo yazyka] Ocherki po filosofii hudozhestvennogo tvorcestva. – SPb.: Blic. – pp. 147-165.
9. Makkloski D. (2015) Ritorika jekonomicheskoy nauki. [The rhetoric of economics]– M.; SPb: In-t Gajdara. – 328 p.
10. Ortega-i-Gasset H. (2001) Vosstanie mass. [Uprising of the masses] – M.: AST. – 509 p.
11. Tul'chinskij G.L. (2016) Narracija v simvolicheskoy politike: Urovni i diahronija. [Narration in Symbolic Politics: Levels and Diachrony.] Simvolicheskaja politika: Sb. nauch. tr. RAN. INION. Centr social. nauch.-inform. issled.; Otd. polit. nauki; Red. kol.: Malinova O.Ju., gl. red., i dr. – M.: Vyp. 4: Social'noe konstruirovanie prostranstva. – pp. 65-83.
12. Tul'chinskij G.L. (1986) Problema osmyslenija dejstvitel'nosti. [The problem of understanding reality] L.: LGU. – 175 p.
13. Tul'chinskij G.L. (1995) Razvitie znaniya: zashnurovyvajushhaja metafora i modeli. [Knowledge Development: Lacing Metaphor and Models] Filosofija i metodologija nauki. SPb.. – pp. 72-75.
14. Tul'chinskij G.L. (2016) Sootnoshenie istoricheskoy i kul'turnoj pamjati: praktiki zabvenija. [Relation of historical and cultural memory: practices of oblivion] Social'no-politicheskie nauki, № 4, pp. 10-14.
15. Tul'chinskij G.L. (2006) Telo svobody. [Body of freedom] SPb: Aletejja, pp.196-428